

RU

Идентификация и интерпретация иронии посредством эмотивных маркеров вторичной эмпатии (на материале англоязычного и франкоязычного художественного дискурса)

Шевелева М. С.

Аннотация. Цель исследования - установить связь между эмпатией второго порядка и эмотивной природой иронического художественного дискурса в аспекте сопоставления ее лингвистического выражения у англоязычных и франкоязычных авторов. Научная новизна работы заключается в определении принципов взаимосвязанности семантики и ассоциативного фона эмотивных лингвистических средств художественного текста, содержащего иронию, с составляющими событийной структуры вторичной эмпатии. В результате установлено, что эмотивность эксплицирует иронию в высказываниях продуцентов дискурса и объективируется посредством наименований эмоций, эмоционально заряженных единиц языка и экспрессивного синтаксиса. Вне зависимости от языкового воплощения и культурного фона художественного дискурса основным эмоциональным поводом для иронии является презрение ироника к обсуждаемому событию и его участникам, однако эмоциональная окрашенность и направленность иронической ремарки в англоязычной и франкоязычной прозе дифференцированы.

EN

Identification and Interpretation of Irony by Means of Emotive Markers of Secondary Empathy (by the Material of English and French Literary Discourse)

Sheveleva M. S.

Abstract. The aim of the study is to establish a connection between second-order empathy and the emotive nature of ironic literary discourse in the aspect of comparing its linguistic expression among English- and French-speaking authors. The scientific novelty of the work lies in determining the principles of the interconnectedness of semantics and the associative background of emotive linguistic means of a literary text containing irony with the components of the event structure of secondary empathy. As a result, it has been established that emotivity explicates irony in the statements of discourse producers and is objectified through the names of emotions, emotionally charged language units and expressive syntax. Regardless of the linguistic embodiment and cultural background of literary discourse, the main emotional reason for irony is the contempt of the ironist for the event under discussion and its participants; however, the emotional colouring and direction of the ironic remark in English and French prose are differentiated.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена нарастающим интересом к ментальным механизмам, детерминирующим логическую структуру и адекватную интерпретацию информации в дискурсе. Ирония как продукт логико-семантического конфликта воплощается в речи иронизирующего через амбивалентность денотативного значения и коннотативной окрашенности языковых средств, которые он использует для характеристики фокусного объекта или ситуации. В этом смысле изучение арсенала эмотивных лингвистических средств, встроенных в формулы вторичной эмпатии, – концептуализаторов иронии, позволяет дополнить общую модель актуализации данного феномена в речемыслительной, коммуникативной и креативной деятельности человека.

Как отмечает И. Б. Шатуновский (2007), противоречие смыслов, закладываемых на эксплицитном и имплицитном уровнях актуализации иронического высказывания, сталкивает взаимоисключающие оценки обсуждаемого события или объекта и создает специфический семантический и прагматический эффект, который определяется нами как ирония.

Логико-семантическая бинарность иронии и специфика ее актуализации в художественном тексте требуют включения в данную систему еще двух категорий – эмпатии и эмотивности. Эмпатия выступает в качестве фактора, обеспечивающего более полное понимание аспектов межличностной вербальной коммуникации, позволяющего идентифицировать в ней иронию и раскрыть ее когнитивные основания. Эмотивность, обнаруживая корреляции с составляющими концептуальной структуры эмпатии, не только объективирует эмоциональную реакцию коммуникантов, каузирующую иронию на языковом уровне, но и через экспликацию эмоциональной подоплеку интерсубъектного взаимодействия позволяет более точно определить точки столкновения их взглядов на обсуждаемую ситуацию и установить различия в ее оценке.

В качестве гипотезы исследования выступает идея о том, что причиной иронии в художественном дискурсе является эмоциональная реакция одного либо нескольких участников интерсубъектного взаимодействия на фокусный объект или событие.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

- раскрыть лингвистическую природу и взаимосвязанность эмпатии и иронии;
- описать структуру эмпатии первого и второго порядка;
- представить формулы вторичной эмпатии, являющиеся концептуализаторами иронии;
- уточнить лингвистическое понимание категории эмотивности;
- определить формы объективации эмотивности в пространстве художественного текста;
- установить связь между эмпатией второго порядка и эмотивной природой иронического художественного дискурса в аспекте сопоставления ее выражения у англоязычных и франкоязычных авторов.

Эмпирический материал исследования – корпус иронически окрашенных текстовых фрагментов, полученных методом сплошной выборки из художественных литературных произведений современных англоязычных и франкоязычных авторов, общим количеством 1050 единиц.

Теоретическая база исследования строится с опорой на работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные актуализации иронии в художественном дискурсе (З. А. Заврумов, И. Б. Шатуновский, С. В. Коростова и др.), теории эмпатии (У. Чейф, Д. Герэртс, В. З. Демьянков, Т. В. Черниговская, Е. А. Шаравьев, У. Икес, Б. Мартиновски и др.) и эмотиологии (В. И. Шаховский, С. В. Коростова, А. Вежбицкая и др.).

Для анализа фрагментов художественного текста с эмотивными маркерами иронии используются методы интерпретативного, концептуального, прагмасемантического, когнитивно-дискурсивного и количественного анализа.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях лингвистических средств выражения иронии как эмотивно-когнитивного феномена, а также в курсах по стилистике, когнитивной лингвистике, психолингвистике и дискурс-анализу.

Основная часть

Вторичная эмпатия

Феномен вторичной эмпатии как уровень «информационной упаковки» вербального текста (Чейф, 1982; Geeraerts, 2020) является фактором, подключение которого к интерпретации фрагментов художественного иронического дискурса позволяет не только идентифицировать иронию, но и эксплицитировать ментальные механизмы ее актуализации наряду с лингвистическими средствами, которые их объективируют.

В рамках когнитивно-дискурсивного анализа эмпатия понимается не только и не столько как способность коммуникантов к «вчувствованию» (Гуссерль, 2005) или сопереживанию (Batson, 2009; Decety, Jackson, 2004; Ickes, 2003). Термин «вчувствование» принадлежит философу Э. Гуссерлю, а интерпретация эмпатии как способности к переживанию опыта другого человека в контексте своих личных когнитивных и аффективных ассоциаций, возникающих в процессе его осмысления (Ickes, 2003), свойственна терминологическому аппарату психологии.

Однако способность человека «строить модель сознания Другого» (Черниговская, 2021, с. 43), позволяющая нам понимать, как представляет и оценивает предмет разговора собеседник, раскрывает еще одну грань феномена эмпатии. У. Чейф (1982) был одним из первых ученых-лингвистов, заговоривших о том, что участники какого-либо коммуникативного события «эмпатизируют» друг другу не только на эмоциональном, но и на когнитивном уровне, а сама эмпатия в лингвистическом аспекте интерсубъектного взаимодействия представляет собой один из способов «упаковки информации».

В теории сознания существует модель когнитивной эмпатии, разработанная Б. Мартиновски. Она имеет трехуровневую структуру и создана на базе метафоры шахматной игры. В данной модели каждый игрок помимо построения собственного плана последовательности ходов в шахматной партии определенным образом оценивает стратегию игры, предлагаемую ему оппонентом. Принимая во внимание этот аспект, шахматист также пытается понять, что противник думает о его намерениях. Шахматисты стараются определить характер и эмоциональный настрой друг друга, так как данные факторы могут оказывать влияние на используемые

ими в игре тактики и стратегии. Профессиональные игроки обладают навыком построения в уме многоуровневых интенциональных моделей противника, однако в условиях повседневного коммуникативного взаимодействия людей подобные модели обычно имеют не более трех уровней. Такая последовательность умозаключений одинаково важна для интерпретации общения как в ситуации сотрудничества, так и в ситуации соперничества (см. Рис. 1).

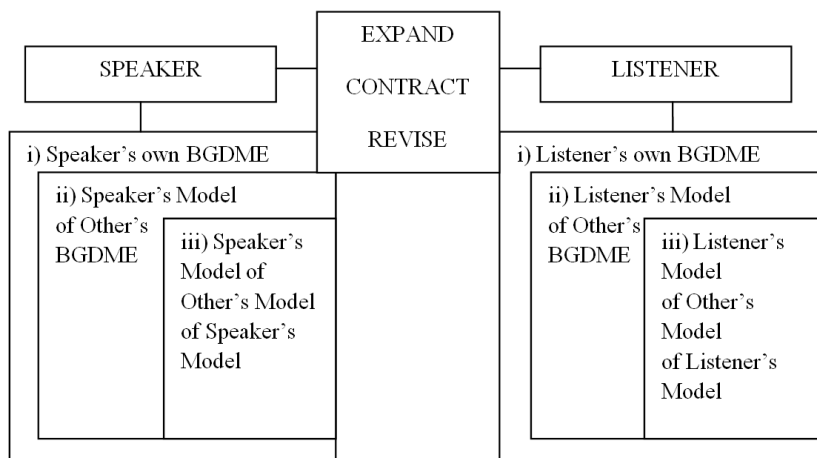

Рисунок 1. Трехуровневая модель целевых установок собеседника в теории сознания

В схеме показаны данные уровни, а также и то, что все их составляющие (B – Beliefs + G – Goals + D – Desires + M – Memories + E – Emotions = BGDME) не статичны: в ходе взаимодействия коммуникантов они могут расширяться (EXPAND), сужаться (CONTRACT) и пересматриваться, переоцениваться (REVISE) – взаимодействуя с другими людьми, мы учитываем как минимум (i) наши личные ценностные ориентиры и принципы (B – Beliefs), цели (G – Goals), желания (D – Desires), воспоминания или предшествующий опыт (M – Memories) и эмоции (E – Emotions); (ii) формируемую нами модель личных ценностных ориентиров и принципов, целей, желаний, воспоминаний и эмоций других людей; (iii) свою версию формируемой другими модели наших личных ценностных ориентиров и принципов, целей, желаний, воспоминаний и эмоций (Martinovsky, 2006).

По сути, данная модель является предвосхищением лингвистической модели эмпатии, предложенной Д. Герэртсом (Geeraerts, 2020).

Концептуальные схемы Д. Герэртса, доработанные в рамках данного исследования, репрезентируют различные модели intersubjectной коммуникации с учетом фактора эмпатии.

Их составляющими являются Говорящий/Я – S (Self), Слушающий/Другой – O (Other), Объект коммуникации / Обсуждаемая ситуация – p. Разные позиции Говорящего и Слушающего относительно оценки друг друга формируют уровень первичной эмпатии, а оценка коммуникантами точки зрения друг друга формирует уровень вторичной эмпатии. Именно ракурс вторичной эмпатии порождает вариантность интерпретаций прагматической актуализации фрагментов дискурса, таких как согласие или иронию/притворство (см. Табл. 1).

Таблица 1. Концептуальная структура первичной и вторичной эмпатии

		S утверждает p / O утверждает p	S утверждает ~p / O утверждает ~p
Первичная эмпатия	S полагает, что O полагает p	верное утверждение	ошибка
	S полагает, что O полагает ~p	ошибка	верное утверждение
Вторичная эмпатия	S полагает, что O полагает p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что p	согласие	ирония; притворство
	S полагает, что O полагает ~p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что ~p	ирония; притворство	согласие

Проблема амбигуентности, возникающая при подключении уровня вторичной эмпатии, актуальна в ситуации реального общения между людьми, так как их истинное отношение к оценке собеседником обсуждаемого объекта остается скрытым. Однако пространство художественного дискурса является благодатной почвой для расширения «горизонта понимания» (Демьянков, 1983; Шаравьев, 2008). Это объясняется тем, что авторские комментарии, внутренние монологи персонажей и дополнительная информация, представленная в более широком контексте литературного произведения, позволяют интерпретатору реконструировать коммуникативную ситуацию, захватив уровень вторичной эмпатии.

Категория эмотивности

Включение категории эмотивности в анализ художественного иронического дискурса позволяет выявить языковые средства объективации эмоционального фона интересующего взаимодействия, каузирующего иронию и эксплицирующего отношение его участников к фокусному событию и к позиции друг друга. Однако в силу сложности данной категории требуется уточнить, что такое эмотивность, в чем ее отличие от эмоциональности и каким образом она соотносится с иронией. В частности, Н. Н. Шпильная (2021), определяя диалогическую модальность как триггер эмотивности в виртуальном обыденном медиадискурсе, относит иронию к одному из эмотивных актуализаторов несогласия. Под эмотивным актуализатором автором понимается эмоция, которая «опредмечена в семантическом плане высказывания» (с. 117). Подобная трактовка представляется несколько спорной, так как «ракурсы изучения иронии лингвостилистикой и лингвориторикой могут пересекаться, но акцент на процессе вербализации остается все же в поле лингвориторических исследований» (Заврумов, 2014, с. 225-226). Кроме того, ирония не может быть ни эмоцией, ни эмотивным актуализатором, поскольку ее актуализация происходит за счет привлечения эмотивных лингвистических средств, маркирующих усиление «эмоциональной напряженности субъекта иронии» (Заврумов, 2014, с. 225-226).

Именно поэтому важным представляется разграничение взаимосвязанных, но тем не менее различных понятий эмоциональности и эмотивности. Эмоциональность представляет собой поведенчески и психофизиологически выраженную реакцию человека на объекты и явления, с которыми он взаимодействует в окружающем его мире. Согласно В. И. Шаховскому (1987, с. 85), эмоции обладают ситуативностью и когнитивностью. Исследователи когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоур и А. Коллинз (1995) также приходят к выводу, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» (с. 318).

Эмотивность же объективируется исключительно на вербальном уровне, поскольку является «выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» (Пиотровская, 1994, с. 322), а языковые единицы предназначены «для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта» (Пиотровская, 1994, с. 322). Таким образом, эмотивность – это «лингвистическая составляющая эмоциональности», «функционально-семантическая категория, реализующаяся в дискурсивной деятельности языковой личности» (Ахиджакова, Донскова, 2021, с. 73). Категория эмотивности охватывает единицы языка различных уровней: она «является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем ее признакам: общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов (эмотивность, как установлено, имеет формальное выражение на всех «этажах» языка – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение – центр – периферия и пр.» (Шаховский, 2010, с. 112-113).

Исследуя феномен эмотивности на материале художественных текстов, относящихся к концу XX – началу XXI в., С. В. Коростова (2017) обнаруживает, что их эмоциональное поле в качестве «эмоционально-смысловой доминанты содержит средства выражения негативной иронии и самоиронии» (с. 6). Помимо взаимосвязанности эмотивности и иронии в работах, посвященных данной проблематике, довольно часто отмечается, что вербализация палитры эмоций как когнитивно-психологического феномена, лежащего в основе лингвистической эмотивности, осуществляется «с опорой на возможности конкретной национальной языковой картины мира» (Ахиджакова, Донскова, 2021, с. 75). Формируя мышление и культуру представителей социума, язык определяет и характер межличностных отношений. Эмоции, представленные в языковой национальной картине мира, тесно сопрягаются с аксиологическими установками и поведенческими конвенциями, вытекающими из видового национального опыта определенного народа, и отражаются в литературном творчестве носителей его культуры (Вежбицкая, 2001). Они являются не только способом оценки среды бытования языка, но и воплощаются в нем самом (Шаховский, 2010). Обращение к данному аспекту эмотивности через сравнительно-сопоставительный анализ эмотивных маркеров-идентификаторов иронии в концептуальной структуре эмпатии второго порядка позволяет также раскрыть и культурно-обусловленную специфику выражения эмоций в художественном англоязычном и франкоязычном дискурсе.

Эмотивные маркеры в идентификации и интерпретации иронии

В центр исследовательского внимания помещаются семантика и ассоциативный фон эмотивных лексических и фразовых единиц, прагматические свойства пунктуации, восклицательных и вопросительных высказываний (переспросов), эмфатических конструкций, коррелирующих с составляющими структуры коммуникативного события, которая концептуализируется формулами вторичной эмпатии:

(1) **S** полагает, что **O** полагает **p** и **S** полагает, что **O** полагает, что **S** полагает **p** → **S** утверждает $\sim p$ / **O** утверждает $\sim p$;

(2) **S** полагает, что **O** полагает $\sim p$ и **S** полагает, что **O** полагает, что **S** полагает, что $\sim p$ → **S** утверждает **p** / **O** утверждает **p**.

Эмотивная окрашенность вербализации отношения Говорящего/Я и Слушающего/Другого к предмету разговора (первичная эмпатия) и восприятия позиций друг друга (вторичная эмпатия) в художественном тексте маркирует речь автора (автора-участника или автора-наблюдателя) и персонажей, а также формирует

образ обсуждаемых ими фокусных объекта или события. В роли ироника может выступать Говорящий/Я или Слушающий/Другой в зависимости от того, кем из них объективируется в речи составляющая формулы вторичной эмпатии **S утверждает ~p / O утверждает ~p | S утверждает p / O утверждает p**, обуславливающая расгласованность позиций участников дискурса и порождающая иронию.

Как уже отмечалось выше, формулы вторичной эмпатии, являющиеся основой иронического дискурса в художественном тексте, репрезентируют концептуальную структуру коммуникативного события, план содержания которого заполняется определенными единицами языка, в том числе и такими, которые могут классифицироваться как эмотивные.

Например, в текстовом фрагменте из романа Э. Шмитта «Мечтательница» диалог между героями завершается ироничной репликой молодого писателя, что он тоже когда-нибудь умрет, пройдет освящение смертью, и его книги будут достойны того, чтобы их прочитали:

Le temps était venu pour moi de lui offrir un de mes livres acheté la veille ; je le tirai de ma poche arrière.

– *Tenez, je vous ai apporté le roman que j'estime avoir le mieux réussi. Ce qui me comblerait, c'est qu'à l'occasion vous le lisiez et que vous l'appréciez.*

Elle m'arrêta, comme frappée de stupeur.

– *Moi ? Mais... c'est impossible...*

Elle porta la main à son coeur.

– *Vous comprenez, je ne lis que des classiques. Je ne lis pas... les... les...*

– *Nouveautés?*

– *Oui, les parutions récentes. J'attends.*

– *Vous attendez quoi?*

– *Que la réputation de l'auteur soit confirmée, que son oeuvre soit considérée comme devant appartenir à une vraie bibliothèque, que...*

– *Qu'il soit mort, c'est cela ?*

C'était sorti malgré moi. Voir Emma Van A. rechigner face à mon présent me révoltait.

– *Eh bien, dites-le: les meilleurs auteurs sont morts! Rassurez-vous, cela m'arrivera aussi. Un jour, j'éprouverai cette consécration du trépas et le lendemain peut-être me lirez-vous!* (Schmitt, 2009, с. 11-12). / *Настал момент преподнести ей одну из моих книг, купленных накануне; я вытащил ее из заднего кармана брюк.*

– *Посмотрите, я принес вам свой роман, который считаю самым удачным. Я был бы счастлив, если бы вы нашли время прочесть его и высказали свое мнение.*

Она испуганным движением прервала меня.

– *Мне... прочесть? Но... это невозможно...*

И она прижала руку к сердцу.

– *Поймите, я читаю одних только классиков. Я не читаю эти... эти...*

– *Новинки?*

– *Да, эти новые издания. Я жду.*

– *Вы ждете... чего же?*

– *Жду, когда репутация автора утвердится, когда его произведение сочтут достойным занять место в настоящей библиотеке, когда он сам...*

– *Вы хотели сказать: когда он сам умрет?*

Эти слова вырвались у меня помимо воли. Я был ужасно обижен, что Эмма Ван А. отвергла мой подарок.

– *Ну же, не стесняйтесь, скажите прямо: лучшие авторы – это умершие авторы! Что ж, будьте покойны, мне тоже рано или поздно придет конец. Однажды я подвергнусь этой процедуре освящения смертью, и на следующий день вы, может быть, прочтете мои книги!* (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Ш.).

Структура коммуникативного события, воплощенная в данном диалоге на уровне вторичной эмпатии, концептуализируется формулой **S полагает, что O полагает ~p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что ~p** → **S утверждает p**, так как писатель (**S**) – повествование ведется от первого лица, главным героем является сам автор – импульсивно реагирует на отказ Эммы (**O**) принять в дар и прочитать его книги, поскольку полагает, что новые книги не нуждаются в проверке временем (**~p**) и вполне достойны интереса читателя. Он даже не может предположить, что Эмма не разделяет такую точку зрения и отвергнет подарок. Данный фрагмент изобилует отрицательными конструкциями, переспросами и пунктуационными пометами, маркирующими hesitation (*Moi? Mais... c'est impossible... / Vous comprenez, je ne lis que des classiques. Je ne lis pas... les... les...*). Замешательство Эммы разрушает ожидания рассказчика и, вторгаясь в его эмоционально-волевую сферу, провоцирует его на едкий ироничный комментарий. Перемещая акцент с достоинств классической литературы, которую так ценит Эмма, на неизбежность собственной смерти, рассказчик атакует свою собеседницу беспардонным заявлением, скрытым посылом которого является намек – написанные им книги станут интересными для Эммы только после его смерти.

В данном фрагменте помимо актуализации импульсивной эмотивности наблюдаются еще и прагматические эмотивные маркеры, номинирующие эмоциональное состояние коммуникантов – это описание жеста Эммы, выражающего замешательство (*Elle porta la main à son coeur*) и комментарий автора-участника, раскрывающий его эмоциональное состояние – неожиданное для него самого чувство возмущения (*C'était sorti malgré moi. Voir Emma Van A. rechigner face à mon présent me révoltait*). Данный эпизод показывает, как попытка

рассказчика поделиться плодами своего писательского таланта разбивается о «литературные предрассудки» Эммы. В эмоциональном плане это гордость и радость за свои достижения, которая в ходе разговора преобразуется в возмущение, высвобождающее иронию. В рассматриваемом отрывке ироничность последней фразы Говорящего/Я передается и посредством импульсивных эмотивных маркеров, указывающих на эмоции, но не называющих и не описывающих их, и посредством прагматических эмотивных маркеров, эксплицирующих эмоциональный фон разговора через описание состояния собеседников.

Еще один пример экспликации иронии с помощью эмотивных маркеров вторичной эмпатии можно наблюдать в отрывке из романа К. Болдинг «Мои животные и другая семья». В данном случае это многократное употребление английского глагола *laugh*, помещенного в различные контексты:

I remember Aunt Sheila's laugh when my mother told her we'd been thrown out of our hotel because Andrew had nits. She doubled over and put her hands on her knees she was laughing so much. She introduced us as 'the nit clan' and started laughing every time she repeated the story, which she did all week. I loved that trip, despite the nits – or because of the nits, I'm not sure. Andrew, however, is still nervous about checking into hotels in Denver, in case they have him on record? (Balding, 2013, с. 69-70). / Мамин рассказ о том, как нас вышвырнули из отеля, потому что у Эндрю обнаружили вши, вызвал у тети Шейлы приступ неудержимого смеха. Ее прямо-таки скрючило от хохота. Она всем представляла нас как «вшивый клан» и каждый раз, когда начинала рассказывать нашу историю, буквально заходила от смеха. Все это длилось целую неделю. Мне очень понравилась поездка к американским родственникам, даже несмотря на вши, а может быть именно поэтому. Только вот Эндрю до сих пор нервничает, когда ему приходится останавливаться в отелях Денвера. Вдруг он все еще значится в черном списке?

С точки зрения объективации формулы вторичной эмпатии мы наблюдаем в этом примере расхождения в восприятии ситуации Говорящим/Self – Clair, Другим/Other (1) – Aunt Sheila и Другим/Other (2) – Andrew (S полагает, что O (1) и O (2) полагает p и S полагает, что O (1) и O (2) полагает, что S полагает p → S утверждает p / O (1) утверждает p vs O (2) утверждает ~p). Если вызывавший смех у американской родни конфуз семейства Клэр в гостинице ей тоже казался забавным, то ее брат Эндрю воспринимал и такую реакцию, и саму ситуацию (у Эндрю завелись вши и их выставили из гостиницы) как неприятную (p). Следует отметить, что когнитивный механизм порождения иронии в этом примере несколько иной, так как эффект создается не только и не столько из-за конфликта восприятия отношения участников к фокусному событию, а из-за концептуальной «развилки» оценки ситуации тетужкой Шейлой (O (1)) и Эндрю (O (2)). Причем в роли ироника здесь выступают их американская тетужка и сама Клэр, так как Эндрю воспринимает случившееся крайне серьезно. Более того, ироничность автора здесь как раз и кроется не только в описании диаметрально противоположных реакций участников события, но и в их интенсивности и темпоральной протяженности. Эмотивность здесь выражается не только через такую лексику, как *laugh; doubled over and put her hands on her knees she was laughing; loved that trip* и *nervous*, но и благодаря повторениям слова *laugh* в сочетании с интенсификаторами, аспектуальными и темпоральными выражениями *laughing so much, every time she repeated the story, which she did all week, still nervous*. Эмоциональная напряженность данного фрагмента также передается через вводные конструкции и усиливается уничижительной коннотацией, которая сквозит в шутовском прозвище *'the nit clan'* – им тетужка наделяет свою британскую родню. Эмотивные маркеры, использующиеся в репрезентации участников коммуникативного события, являются и оценочными – они раскрывают их отношение к фокусному событию, и прагматическими, поскольку описывают их эмоциональное состояние, например тревогу и неуверенность младшего брата Клэр (*in case they have him on record*). Следует также отметить, что ремарка Клэр *despite the nits – or because of the nits, I'm not sure*, сопряженная с общей подачей ситуации, свидетельствует не только об ироничном отношении Клэр (S) к ее брату (O (2)), но и об актуализации самоиронии.

В широко известном автобиографичном романе «Страх и трепет» бельгийской писательницы Амели Нотомб главная героиня, чьи ожидания относительно карьеры в Японии не оправдались, довольно саркастично высказывается о своих коллегах, которые сплошь были ее начальниками, и лишь одна она не была ничьей начальницей: *Monsieur Haneda était le supérieur de monsieur Omochi, qui était le supérieur de monsieur Saito, qui était le supérieur de mademoiselle Mori, qui était ma supérieure. Et moi, je n'étais la supérieure de personne. <...> Il m'introduisit ensuite dans le bureau où siégeait son supérieur, monsieur Omochi, qui était énorme et effrayant, ce qui prouvait qu'il était le vice-président* (Nothomb, 2006, с. 53, 61). / Господин Ханеда был начальником господина Омоши, который был начальником господина Саито, который был начальником мадемуазель Мори, которая была моим начальником. А я, я не была ничьим начальником. <...> Затем он привел меня в кабинет, где сидел его начальник, мистер Омоши, который был огромным и страшным, что доказывало, что он вице-президент.

Ироничный рассказ автора (S) о субординации в офисе, где она работает, по сути представляет некий внутренний диалог с коллегами (O), который концептуализируется формулой вторичной эмпатии S полагает, что O полагает p и S полагает, что O полагает, что S полагает p → S утверждает ~p. Используя параллельные конструкции, в которых повторяется слово *supérieur*, она подчеркивает гротескную чрезмерность неоправданно высоких должностей своих коллег, которые сводились к ничтожному набору обязанностей. Эмфатическая конструкция *Et moi, je n'étais la supérieure de personne* указывает на обособленность Амели, ее сегрегированность от остальных коллег. Эмоционально-оценочные переживания автора-рассказчика достигают кульминационной точки в энантиосемичной характеристике вице-президента: *Il m'introduisit ensuite dans le bureau où siégeait son supérieur, monsieur Omochi, qui était énorme et effrayant, ce qui prouvait qu'il était le vice-président*. Нарочитая наивность объяснения высокого статуса господина Омоши его огромными размерами

и устрашающим видом еще больше усиливает ощущение абсурдности распределения должностей и обязанностей. Высмеивая сложившуюся на рабочем месте иерархию, она обесценивает значимость сотрудников, бывших ее начальниками, и повышает собственную самооценку. В данном отрывке наблюдается использование оценочных эмотивных маркеров.

Перволичный нарратив, являющийся описанием быта коменданта общежития Бет (O) в новелле Э. Манро «Венлокский кряж», также имеет диалогичный характер. В данном фрагменте эмоциональное состояние Бет (O) иронично описывается автором (S) как триумф силы ее духа и повод для сомнительной гордости, особенно на контрасте с убогой обстановкой ее замызганного жилища и безысходной обремененностью рано начавшейся семейной жизнью (p), свидетелем которой становится рассказчик:

The door opened on the scene of misery and confusion in which it seemed that all Beth's days were passed. Wet laundry – diapers and smelly baby woollens – was hanging from some ceiling-racks, bottles in a sterilizer bubbled and rattled on the stove. The windows were steamed up, and soggy cloths or soiled stuffed toys were thrown on the chairs. The big baby was hanging on to the rungs of the playpen and letting out an accusing howl – Beth had obviously just set him in there – and the smaller baby was in the high chair with some mushy pumpkin-coloured food spread like rash across his mouth and chin.

Beth peered out from all this with a tight expression of superiority on her small flat face, as if to say that not too many people could put up with such a nightmare as well as she could, even if the world was too ungenerous to give her the least credit (Munro, 2010, с. 65-66). / Дверь распахнулась, и передо мной предстала картина бедности и беспорядка, в которых проходила жизнь Бет. Влажное белье – пеленки и плохо выстиранная детская одежда – висело на веревках, натянутых под потолком, на плите булькали и позвякивали стерилизующиеся бутылочки. Окна запотели, на стульях валялись мокрые тряпки и замызганные игрушки. Старший мальчик истошно вопил, вцепившись в перила манежа – похоже, Бет только что его туда сунула. Младший сидел на высоком стульчике, и его рот и подбородок были покрыты, как сыпью, какой-то кашицей цвета тыквы.

Бет вынырнула из всего этого бедлама с напряженным выражением превосходства на крошечном плоском личике, словно хотела сказать, что она – одна из немногих, способных так хорошо справляться с подобным кошмаром, хоть этот мир и не был никогда щедрым по отношению к ней.

Эффект обратной перспективы восприятия, заложенной в формуле вторичной эмпатии **S** полагает, что **O** полагает **p** и **S** полагает, что **O** полагает, что **S** полагает **p** → **S** утверждает ~**p**, создается лексическими и фразовыми единицами, семантика которых передает удручающую обстановку, в которой проводила свои дни Бет: *the scene of misery and confusion; Wet laundry – diapers and smelly baby woollens; The windows were steamed up; soggy cloths; soiled stuffed toys*. В описании поведения и внешнего облика детей также используются лексические эмотивы с негативной коннотацией, представляющие отпрысков Бет как источник шума и нескончаемых хлопот, с которыми она не очень хорошо справляется, судя по хаосу, царящему в доме: *big baby was hanging on to the rungs of the playpen and letting out an accusing howl; the smaller baby... with some mushy pumpkin-coloured food spread like rash across his mouth and chin*. Тщательно прописанные подробности делают неприглядную картину практически осязаемой. Однако сама хозяйка – «вынырывающая из всего этого кошмара с напряженным выражением чувства превосходства на лице» (*peered out from all this with a tight expression of superiority*). Конфликт в восприятии данной сцены ее участниками и эмоциональное состояние Бет, вызывающее у автора неприятие и иронию, эксплицируются целой чередой интенсификаторов: *not too many people could put up with such a nightmare; too ungenerous; the least credit*. В данном отрывке в качестве маркеров иронии контаминированы оценочные и прагматические эмотивные средства.

Заключение

Таким образом, в свете всего вышесказанного можно прийти к следующим выводам. Языковые средства объективации эмотивности, коррелирующие со структурными элементами вторичной эмпатии – концептуализатором иронии, и маркирующие ее составляющие дифференцируются на *маркеры импульсивной эмотивности* (междометия, инвективы, лексические эмотивы (лексические единицы, обладающие эмотивной коннотацией либо номинирующие эмоции), сравнения, эмфатические конструкции), *оценочной эмотивности* (лексика с пейоративной коннотацией, парадоксальные семантически взаимоисключающие пары прилагательных или наречий модификаторов (составляющие энантиосемичных высказываний), вводные конструкции, интенсификаторы) и *прагматической эмотивности* (высказывания-обращения, содержащие лексику, описывающую эмоциональное состояние говорящего и/или слушающего, вопросительные и восклицательные предложения, лексический и синтаксический повторы, параллельные конструкции, парцелляция и энантиосемичные высказывания).

Основу сложившейся классификации составляет концепция полицентричности категории эмотивности, выдвинутая С. В. Коростовой (2017): «Полицентричность эмотивности определяется существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального» (с. 4). Результаты анализа эмпирического материала показывают, что эти же зоны (или микрополя) объективируются и в художественном ироническом дискурсе.

Импульсивная эмотивность актуализируется в основном в диалогах персонажей или в комментариях автора, направленных на фокусный объект/событие, раскрывающих их эмоциональное состояние. Зачастую случаи актуализации импульсивной эмотивности – это повествование от первого лица, в котором наблюдается

расщепление авторского Я/Говорящего на несколько функций – повествователя, всезнающего писателя и участника описываемых событий, взаимодействующего со Слушающим/Другим. Подобная расстановка коммуникативных ролей с подключением уровня вторичной эмпатии приводит к усложнению прагматики текста и порождает позитивно и негативно окрашенные эмотивно-оценочные смыслы, которые транслируются через ироническое высказывание или цепочку иронических ремарок.

Оценочная эмотивность реализуется за счет языковых средств, объективирующих осмысление участниками дискурса фокусного объекта/события с точки зрения его желательности/нежелательности, значимости/незначительности и т.п. Причем рассудочность данного процесса в обязательном порядке дополняется, можно даже сказать, затеняется ярко выраженной эмоциональной составляющей. Эмоциональный посыл, семантика и прагматика используемых языковых средств раскрывают мотивы речевого поведения коммуникантов, их отношение к происходящему и друг к другу. В результате возникает возможность идентификации и адекватной интерпретации иронии в художественном дискурсе.

В *прагматической эмотивности* в большей степени выражено интеллектуальное, рациональное начало в сочетании с информацией об эмоциональном состоянии Говорящего/Я и Слушающего/Другого, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника.

Определить строгие границы актуализации выделенных аспектов эмотивности (импульсивной, оценочной и прагматической) в пространстве художественного иронического дискурса практически невозможно, поскольку они представлены в нем контаминированно. Как показывает анализ эмпирического материала, в современной англоязычной и франкоязычной прозе доминирует перволичный нарратив, отражающий фокусную ситуацию как бы изнутри, с позиции всезнающего автора-рассказчика, который не только конструирует событийное пространство и модальность произведения, но и является участником взаимодействия между персонажами, способного раскрыть их интенции, эмоциональный настрой и восприятие фокусного события, в которое они оказываются вовлеченными.

Проведенное исследование позволяет ранжировать эмоциональные реакции коммуникантов, индуцирующие иронию и объективирующиеся в языковых средствах ее актуализации непосредственно в художественном тексте. Можно выделить отрицательные эмоциональные реакции – разочарование, сожаление, возмущение, обиду, пренебрежение, презрение, которые доминируют в художественном ироническом дискурсе и в ряде случаев формируют оппозицию к менее репрезентативным положительным эмоциональным состояниям других участников – уважению, заинтересованности, гордости.

Исходя из результатов количественного анализа, можно отметить, что в пространстве художественного текста вне зависимости от его языкового воплощения и культурного фона основным эмоциональным поводом для иронии является презрение ироника по отношению к обсуждаемому событию, в которое вписаны определенные объекты и субъекты. Причем англоязычный художественный дискурс является более рефлексивным, закрытым, и эмоциональное состояние, обуславливающее иронизирование, чаще связано с сожалением и разочарованием и проявляется в форме самоиронии. Обида (уязвленные чувства) является поводом для иронии в англоязычных и франкоязычных художественных текстах практически в равной степени.

Следует также отметить, что в речи персонажей франкоязычных авторов, в том числе и тех, кто выступает в роли не только участника, но и повествователя, гораздо чаще вербализуются такие эмоции, как возмущение и даже негодование (2,7% от общего числа примеров в англоязычном ироническом дискурсе к 12,7% от общего числа примеров в франкоязычном). Поляризация проявлений положительных эмоций (восхищение, уважение, гордость и заинтересованность) одних персонажей и негативной эмоциональной реакции других (презрение, равнодушие, разочарование, обида и т.п.) в большей степени свойственна англоязычному ироническому дискурсу.

В целом ирония в художественных произведениях на французском языке носит более агрессивный, граничащий с сарказмом характер и в большей степени направлена на другого человека или обстоятельства. В англоязычной прозе эмотивное оформление ироничных ремарок персонажа или всезнающего автора оказывается гораздо более деликатным. В большинстве случаев имеет место самоирония, а не уничижительные комментарии, направленные вовне.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в применении представленной в работе методологии рассмотрения художественного иронического дискурса с учетом фактора вторичной эмпатии как инструмента изучения эмоциональной подоплеку актуализации иронии в обыденной коммуникации, протекающей на определенном социокультурном фоне.

Источники | References

1. Ахиджакова М. П., Донскова Л. А. Эмотивность и коммуникативная толерантность в структуре эмоциональности художественного текста // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
4. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

5. Заврумов З. А. Ирония в художественном тексте: лингвостилистика или лингвориторика // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 8.
6. Коростова С. В. Категория эмотивности в современной литературе: к проблеме экологии языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3.
7. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1995.
8. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). СПб., 1994.
9. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1982. Вып. 11 / сост., ред., вступ. ст. и комм. А. Е. Кибрик.
10. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: мозг, язык и сознание. М.: АСТ, 2021.
11. Шаравьев Е. А. Герменевтика ответа // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28.
12. Шатуновский И. Б. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007.
13. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
14. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
15. Шпильная Н. Н. Диагностическая модальность как триггер эмотивности в виртуальном обыденном медиадискурсе (на материале интернет-комментариев медиасобытия) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 2 (46).
16. Balding C. *My Animals and Other Family*. L.: Penguin Group, 2013.
17. Batson C. D. *These Things Called Empathy: Eight Related but Distinct Phenomena* // *The Social Neuroscience of Empathy* / ed. by J. Decety, W. Ickes. Massachusetts: MIT Press, 2009.
18. Decety J., Jackson P. L. *The Functional Architecture of Human Empathy* // *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*. 2004. № 3 (2).
19. Geeraerts D. *Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity* // *Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: мат. Междунар. науч. конф.* М., 2020.
20. Ickes W. *Everyday Mind Reading*. N. Y.: Prometheus, 2003.
21. Martinovsky B. *Cognitive and Emotive Empathy in Discourse: Towards an Integrated Theory of Mind*. 2006. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Cognitive-and-Emotive-Empathy-in-Discourse%3A-Towards-Martinovsky/6d475f53293902343fc804cdf6781acfc1cdac81>
22. Munro A. *Too Much Happiness*. L.: Vintage, 2010.
23. Nothomb A. *Stupeur et tremblements*. P.: Livre de Poche, 2006.
24. Schmitt É. E. *La Réveuse d'Ostende*. P.: Albin Michel, 2009.

Информация об авторах | Author information

Шевелева Марина Сергеевна¹

¹ Пятигорский государственный университет

Sheveleva Marina Sergeevna¹

¹ Pyatigorsk State University

¹ wr08@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): ирония; англоязычный/франкоязычный художественный дискурс; эмотивность; эмотивные маркеры; irony; English/French literary discourse; emotivity; emotive markers.